

СОБРАНИЕ ПРОИЗВЕДЕНИИ
ВЕЛИМИРА ХЛЕБНИКОВА

ТОМ II

ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ Ю. ТЫНЯНОВА И Н. СТЕПАНОВА

ТВОРЕНИЯ

1906—1916

Редакция текста
Н. Степнова

ИЗДАТЕЛЬСТВО ПИСАТЕЛЕЙ В ЛЕНИНГРА
1930

В „Девьем боге“ я хотел взять славянское чистое начало в его золотой липовости и нитями, протянутыми от Волги в Грецию. Пользовался славянскими полабскими словами (Леуна).

В. Брюсов ошибочно увидел в этом словотворчество.

В „Детях Выдры“ я взял струны Азии, ее смуглое чугунное крыло и, давая разные судьбы двоих на протяжении веков, я, опираясь на древнейшие в мире предания орочей об огненном состоянии земли, заставил Сына Выдры с копьем броситься на солнце и уничтожить два из трех солнц — красное и черное.

Итак, Восток дает чугунность крыл Сына Выдры, а Запад — золотую липовость.

Отдельные паруса создают сложную постройку, рассказывают о Волге, как о реке индоруссов, и используют Персию, как угол русской и македонской прямых. Сказания орочей, древнего амурского племени, поразили меня, и я задумал построить обще-азиатское сознание в песнях.

В „Ка“ я дал созвучие „Египетским Ночам“, тяготение метели севера к Нилу и его зною.

Грань Египта взята — 1378 год до Р. Хр., когда Египет сломил свои верования, как горсть гнилого хвороста, и личные божества были заменены Руко-волосым Солнцем, сияющим людьми. Нагое Солнце, голый круг Солнца, стал на некоторое время, во-

лею Магомета Египта — Аменофиса IV, единым божеством древних храмов. Если определять землями, то в „Ка“ серебряный звук, в „Девьем боге“ золотой звук, в „Детях Выдры“ — железно-медный.

Азийский голос „Детей Выдры“;

Славянский „Девьего бога“, и

Африканский „Ка“.

„Вила и Леший“ союз балканской и сарматской художественной мысли.

Город задет в „Маркизе Дезэс“ и „Чортике“.

В статьях я старался разумно обосновать право на провидение, создав верный взгляд на законы времени, а в учении о слове я имею частые беседы с $\sqrt{\text{---}}$ Лейбница.

„Крымское“ написано вольным размером.

Мелкие вещи тогда значительны, когда они так же начинают будущее, как падающая звезда оставляет за собой огненную полосу; они должны иметь такую скорость, чтобы пробивать настоящее. Пока мы не умеем определить, что создает эту скорость. Но знаем, что вещь хороша, когда она, как камень будущего, зажигает настоящее.

В „Кузнечике“, в „Бобеоби“, в „О, рассмейтесь“ были узлы будущего — малый выход бога огня и его веселый плеск. Когда я замечал, как старые строки вдруг тускнели, когда скрытое в них содержание становилось сегодняшним днем, я понял, что родина творчества — будущее. Оттуда дует ветер богов слова.

Я в чистом неразумии писал „Перевертень“ и, только пережив на себе его строки: „чин зван... мечом навзничь“ (война) и ощутив, как они

стали позднее пустотой, „пал а норов худ и дух ворона лап“, — понял их как отраженные лучи будущего, брошенные подсознательным „я“ на разумное небо. Ремни, вырезанные из тени рока, и опутанный ими дух остаются до становления будущего настоящим, когда воды будущего, где купался разум, высохли и осталось дно.

Найти, не разрывая круга корней, волшебный камень превращения всех славянских слов, одно в другое — свободно плавить славянские слова, вот мое первое отношение к слову. Это самовитое слово вне быта и жизненных польз. Увидя, что корни лишь призрак, за которыми стоят струны азбуки, найти единство вообще мировых языков, построенное из единиц азбуки — мое второе отношение к слову. Путь к мировому заумному языку.

Во время написания заумные слова умирающего Эхнатена „манч, манч!“ из „Ка“ вызывали почти боль; я не мог их читать, видя молнию между собой и ими; теперь они для меня ничто. Отчего — я сам не знаю.

Но когда Давид Бурлюк писал сердце, через которое едут суровые пушки будущего, он был прав, как толкователь вдохновения: оно — дорога, копыта будущего, его железных подков.

„Ка“ писал около недели, „Дети Выдры“ — больше года, „Девий бог“ — без малейшей поправки в течение 12 часов письма, с утра до вечера. Курил и пил крепкий чай. Лихорадочно писал. Привожу эти справки, чтобы показать, как разнообразны условия творчества.

„Зверинец“ написан в Московском зверинце.

В „Госпоже Ленин“ хотел найти „бесконечно-малые“ художественного слова.

В „Детях Выдры“ скрыта разнообразная работа над величинами — игра количеств за сумраком качеств.

„Девий бог“, как не имеющий ни одной поправки, возникший случайно и внезапно как волна, выстрел творчества, может служить для изучения безумной мысли.

Так же внезапно написан „Чортик“, походя на быстрый пожар пластов молчания. Желание „умно“ — а не заумно, понять слово привело к гибели художественного отношения к слову. Привожу это как предостережение.

Законы времени, обещание найти которые было написано мною на березе (в селе Бурмакине, Ярославской губернии) при известии о Цусиме, соби-
рались 10 лет.

Блестящим успехом было предсказание, сделанное на несколько лет раньше, о крушении государства в 1917 году. Конечно, этого мало, чтобы обратить на них внимание ученого мира.

Заклинаю художников будущего вести точные дневники своего духа: смотреть на себя как на небо и вести точные записи восхода и захода звезд своего духа. В этой области у человечества есть лишь один дневник Марии Башкирцевой — и больше ничего. Эта духовная нищета знаний о небе внутреннем самая яркая черная Фраунгоферова черта современного человечества.

Закон кратных отношений во времени струны человечества мыслям для войн, но его нельзя по-

строить для мелкого ручья времени отдельной жизни — отсутствуют опорные точки, нет дневников.

В последнее время перешел к числовому письму, как художник числа вечной головы вселенной, так, как я ее вижу, и оттуда, откуда ее вижу. Это искусство, развивающееся из клочков современных наук, как и обыкновенная живопись, доступна каждому и осуждено поглотить естественные науки.

Я ясно замечаю в себе спицы повторного колеса и работаю над дневником, чтобы поймать в сети закон возврата этих спиц.

В желании ввести заушный язык в разумное поле вижу приход старой спицы моего колеса. Как жалко, что об этих спицах повтора жизни я могу говорить только намеками слов.

Но может быть скоро мое положение изменится.

B. Pres Hunt

